

UOT 94(479.2)

<https://doi.org/10.59849/2710-0820.2023.1.63>

ЛАМИЯ КАФАР-ЗАДЕ

Д.ф.н.и., доцент

Ведущий научный сотрудник отдела «История Азербайджана в XV – XVIII веках»

Института Истории им. А.А.Бакиханова НАН Азербайджана

Азербайджан

leo_558@mail.ru

ПОДЛИННАЯ КАРТА ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕФЕВИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Ключевые слова: карта Дженинсона, 1562 год, Сефевидская империя, англо-сефевидские отношения, Энтони Дженинсон, картография.

- Где бы мы оказались без карт?

Ответ очевиден, конечно же, «потеряны» ...

Джерри Броттон

ВВЕДЕНИЕ

На вопрос «Где бы мы оказались без карт?» современный британский ученый, историк и картограф профессор Дж.Броттон уверенно отвечает «Потеряны», однако, как указывает исследователь, карты предоставляют ответы на многие вопросы, нежели просто, как попасть из одного места в другое (7, с. 18). Человечество пользовалось картами еще до появления письменности. Сегодня, в эпоху информационных технологий карты прочно вошли в нашу каждодневную жизнь, став быстрой помощью в определении того или иного местонахождения. Однако в прежние времена функциональность карт несколько отличалась от сегодняшней. Карты служили средством передачи и визуализации, полученной человеком информации о новом, ранее неизведанном месте, а также средством выражения политических амбиций правящих кругов. Как отмечает Дж.Броттон, «изготовители карт не просто воссоздают мир, они создают его» (7, с. 21).

Так, картографические материалы, карты в частности, – это не только совокупность географических данных с указанием пространственного размещения определенных объектов, они также могут служить

ценными историческими источниками по изучению тех или иных вопросов истории. Хотя принято считать, что средневековые карты мира и были шагом назад в истории картографии и переживали период упадка, но с началом великих географических открытий стали появляться бесценные карты, ставшие не только ценным вкладом в историю географии и картографии, но и обогатившие всемирную историю человечества. Кроме того, в эпоху Возрождения карты также превратились в составную часть политической иконографии.

Объектом исследования в данной статье выступает изданная в 1562 г. карта “*Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*” («Абсолютно новое описание России, Москвы и Тартарии»), автором которой является английский торговец, дипломат, официальный посол Елизаветы I Тюдор в Сефевидском государстве и, как выяснилось, являвшийся по совместительству также одним из ранних английских картографов Энтони Дженинсон (см.: **Рис. 1**). Впервые как в отечественной, так и в западной историографии будет предпринята попытка исследовать карту Дженинсона не только в качестве исторического источника в общем, но и как источника по истории

англо-сефевидских взаимоотношений, в частности. Тот факт, что карта Энтони Дженкинсона была посвящена главным образом описанию Русского государства и Тартарии, и, соответственно, всегда являлась объектом исследования ученых только в рамках истории русской картографии и истории и частично государств Средней Азии, делает наше исследование первым и особо актуальным с научной точки зрения в области исследования карты Дженкинсона в качестве источника по истории Сефевидского государства. Несмотря на то, что до сегодняшнего дня в отечественной историографии такими исследователями, как О.Эфендиев, Я.Махмудов, Б.Ахмедов, Д.Гасанзаде, Р.Муганлинский, Р.Дадашова, Т.Наджафли, Д.Азимли и др., предпринимались попытки осветить те или иные вопросы англо-сефевидских отношений, тем не менее, карта Дженкинсона не просто не стала объектом специального научного исследования, но о ней никогда даже ни слова не упоминалось в их трудах. В данной статье впервые предпринимается попытка изучить карту Дженкинсона как источник по военно-исторической, геополитической, географической, топонимической, религиозной, этнографической и отчасти экономической истории Сефевидского государства, а также как часть истории англо-сефевидских взаимоотношений.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ ПОДЛИННОЙ КАРТЫ ДЖЕНКИНСОНА

Уникальность подлинной карты Дженкинсона состоит в том, что она не только является самым древним и первым визуальным представлением Сефевидской империи в английских источниках, хотя на карте конфигурация сефевидских городов и расположена неправильно по берегу Каспия, но также оказала влияние и на дальнейшее развитие европейской картографии. Так, она явилась составной частью первого в мире современного географического атласа *“Theatrum Orbis Terrarum”* («Зрелище круга земного»), изданного в 1570 г. в результате кропотливого труда известного фламандско-

го картографа и географа XVI в. Авраама Ортелиуса. Данный атлас Ортелиуса принято считать коллекцией лучших карт мира на тот период. В атлас вошли в целом 53 карты различных регионов мира, авторство которых принадлежало различным картографам, среди которых была и карта Энтони Дженкинсона 1562 года. Более того, имя Энтони Дженкинсона также вошло в первую в мире картографическую библиографию *“Catalogus Auctorum”*: Ортелиус включил его имя в число 87 лучших известных ему географов, картографов и космографов, поместив его на четвертом месте. С 1570 по 1612 гг. данный атлас переиздавался не менее 42 раз на различных языках мира. Отметим, что именно благодаря Аврааму Ортелиусу миру стало известно о карте Дженкинсона. Тот факт, что названия таких исторических городов, как Дербент, Баку, Ширван, Шемаха, Ардебиль, Казвин, Тебриз были запечатлены на карте, вошедшей в состав первого в мире атласа и представлено миру, делает карту Дженкинсона особо ценной как с научной, так и с политической точки зрения для истории государственности Азербайджана. Более того, карта Э.Дженкинсона представляет исключительную ценность и значимость не только для истории картографии России, Азербайджана, но также и для истории картографии самой Англии. Как известно, после 1550 г. в Англии было издано очень мало настенных карт, тем более, изображающих иностранные земли. Осознание практической значимости карт пришло к Англии поздно, даже детальная карта Англии и Уэльса была впервые составлена именно при Елизавете I (см.: 4, с. 1610, 1668-1669). Соответственно, лишь сам факт раритетности дженкинсоновской карты может служить одним из поводов представлять большую научную ценность для истории британской картографии. Отметим, что из адресованного гравером карты Рейнольдсом письма Ортелиусу, хранящегося сегодня в Британском Музее, ясно, что для издания данной карты королевскому типографу Реджинальду Вольфу было направлено 25 копий карты, о судьбе которых сегодня не известно. Сам факт того, что в процессе

подготовки карты был задействован королевский типограф, говорит о большой значимости карты Дженкинсона для английской короны.

Хотя К.Сзыкула, изучившая влияние дженкинсоновской карты на последующие карты XVI, XVII и XVIII веков, и отмечает, что оно было «не слишком значительным» (30, с. 2008), карта Дженкинсона помимо Ортелиуса также была использована знаменитым и величайшим в свое время фламандским картографом и географом Герардом Меркатором при переиздании в 1572 г. своей известной карты мира, которую профессор Дж.Броттон назвал «самой влиятельной картой в истории географии» (7, с. 249),

для составления ее северных и северо-восточных частей. Использование карты Дженкинсона при составлении карты мира Меркатором, чья проекция стала революцией в истории картографии и сегодня перенята Английским Картографическим Управлением, Британским Военно-морским Адмиралтейством и Космическим Агентством NASA для картографирования различных частей солнечной системы (см.: 7, с. 260-261) и с чьим именем сегодня связывают современную картографию, лишь свидетельствует о значимости карты Дженкинсона, которая, как отмечает историк путевой литературы Джордж Б. Паркс, «стала европейским стандартом» (25, с. 16).

Рис. 1. «*Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*» (Оригинальная карты «Абсолютно новое описание России, Москвы и Тартарии»), изданная Энтони Дженкинсоном в 1562 г. / Библиотека Вроцлавского Университета

Источник: <https://www.bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/publication/40164/edition/40845/content>

2. «В 1987 ГОДУ НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЭПОХА ДЛЯ КАРТЫ ДЖЕНКИНСОНА»

На сегодняшний день известны три копии карты, авторство которых приписывается Энтони Дженкинсону, хотя до 1987 г. миру были известны лишь две репродукции карты Дженкинсона, представленные выдающимися фламандскими картографами XVI в. Авраамом Ортелиусом (1570 г.) и Герритом де Йоде (на его варианте карты 1578 года была представлена лишь левая часть карты Дженкинсона). Хотя еще до обнаружения оригинала карты в 1987 г. Дж.Кеюнинг среди *«карт, носящих имя Дженкинсона...»* указывал и третью – карту братьев Иоханнеса и Лукаса ван Деютикум (изданная предположительно до 1572 г.), известную также как «карта Дашкова» (16, с. 172-174). О наличии трех известных копий дженкинсовской карты (помимо самого оригинала!) также утверждает К.Майерс (19, с. 256-258). Кроме того, также сообщалось и о наличии еще одной реплики карты Дженкинсона, хранящейся в одной из библиотек Санкт-Петербурга, что впоследствии оказалось ложной информацией (см.: 31, с. 67).

1987 год запомнился сенсационным заявлением К.Сзыкулы: обнаружена подлинная копия карты Дженкинсона! Почти пять столетий о подлинной карте Дженкинсона не было известно ничего, и она считалась несохранившейся до наших дней. Как отмечает К.Сзыкула, *«в 1987 году начинается новая эпоха для карты Дженкинсона»* (32, с. 126). В 1989 г. сенсационная новость облетела научный мир: на состоявшейся в Амстердаме очередной XIII Международной конференции по истории картографии польский картограф Кристина Сзыкула, являвшаяся на тот момент главой отдела картографической коллекции Библиотеки Вроцлавского Университета, объявила об обнаружении оригинала карты Дженкинсона 1562 года.

История обнаружения оригинала карты довольно интересна. Однажды в 1987 г. глава соборной библиотеки сообщил К.Сзыкуле *«явно чрезвычайно потрясаю-*

щую новость», что некая женщина, являвшаяся учительницей в одной из средних школ Вроцлава, хочет продать карту XVI в. (32, с. 123). Удивительно, но картой оказалась оригинальная копия карты Энтони Дженкинсона, до этого считавшаяся не дошедшей до нас. Примечательно, что до того, как карта была предложена университетской библиотеке и выкуплена ею, владелица карты предлагала ее многим известным библиотекам, но ни одна из них не проявила к ней должного интереса. Владелица карты долгие годы использовала ее в качестве дидактической помощи на уроках истории, не ведая о ее исторической ценности. Выяснилось, что карта была подарена учительнице ее ученицей, нашедшей ее после Второй Мировой войны где-то не то в подвале, не то на чердаке дома (подробнее см.: 30).

До обнаружения ее подлинной копии карта Энтони Дженкинсона была мало исследована, и то по имеющимся ее репродукциям у Ортелиуса и де Йоде. Карта Дженкинсона была объектом исследования главным образом таких ученых, как В.Кордт, Е.Тэйлор, Л.Багров, С.Барон, Б.Рыбаков, Дж.Кеюнинг, Э.Д.Морган, Ч.Кут и др., и то в контексте изучения истории российской картографии.

3. ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРТЫ

Карта размером 101,7 x 81,7 см с 6-сантиметровой декоративной рамкой была гравирована на меди и раскрашена вручную. Масштаб карты – 1:5000000. Карта региональная. Историки предполагают, что это была настенная карта. Карта составлена в северной ориентировке, что на тот период являлось событием инновативным в картографии. Территория на карте простирается от Финского залива на северо-западе до Ташкента на юго-востоке и от Сефевидского государства на юге до северных границ Русского государства на севере.

Как отмечает К.Сзыкула, благодаря которой и стало известно о существовании оригинальной копии, *«характерной чертой подлинной копии карты является необычай-*

но богатая декоративность» (32, с. 121). Декоративность карты Дженкинсона не вызывает удивления, ибо, как отмечает Дж.Броттон, для картографов эпохи Ренессанса зритель карты отождествлялся с «театралом» (7, с. 24). Карта содержит богатый физиографический, этнографический, религиозный и военно-исторический материал, также представлена богатая флора и фауна. Сочетание графических, текстовых и рисунчатых элементов делает карту Дженкинсона особо интересной для изучения. «Эти черты делают карту выдающимся документом эпохи территории, изображенной на ней» (32, с. 121).

4. ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ И АВТОРСТВА КАРТЫ

Как отмечает К.Сзыкула, «установление подлинной копии карты не только принесло новые знания о ее деталях, но также создало некоторые проблемы» (29, с. 14). Так, хотя на самой карте Дженкинсона и указан конкретный год ее издания – 1562-ый год, тем не менее, вопрос датировки карты по сегодняшний день остается дискуссионным. Так, В.Кордт, которому принадлежит одно из первых исследований карты Дженкинсона, хотя и в контексте русской картографии, указывает, что карта была составлена после первого путешествия Дженкинсона в Русское государство, т.е. в период между 1557 и 1561 годами (17, с. 10). Дж.Кеюнинг придерживается аналогичного мнения. Согласно исследователю, карта могла быть составлена в период после возвращения Энтони из своего первого путешествия в Русское государство и Среднюю Азию до отправки во второе путешествие в мае 1561 г. (16, с. 172). У.Оукешотт также предполагает, что карта была составлена в 1560-1561 гг. (23, с. 704). Российский ученый Б.Рыбаков же утверждает, что «...временем составления карты Московии следует считать его [Дженкинсона] первое путешествие в Россию и Бухару, когда он находился на русской земле с 12 июля 1557 г. по 10 августа 1558 г. и вторично, на обратном пути из Средней Азии, с 28 мая 1559 г. по 9 мая 1560 г.» (28, с. 22).

С.Барон и даже сама К.Сзыкула выдвигают иную возможную датировку. Исследователи предполагают, что карта могла быть издана в период между 1567 и 1569 годами. К такому выводу К.Сзыкула пришла, основываясь на обнаруженной ею в Библиотеке Кембриджского Университета рукописи «Книги геральдики» (1566 г.), в которой была установлена принадлежность одного из гербов, датированного 1566 годом и визуально идентичного гербу на оригинальной карте Энтони, спонсору карты Дженкинсона Генриху Сидни (call number Kk.I.26) (32, с. 122, n2; 30). С.Барон в одной из своих статей еще до презентации К.Сзыкулой в 1989 г. подлинника карты, проанализировав источники, биографию, карту и чертеж известного члена английской морской экспедиции, направленной на поиски северо-восточного пути в Индию и Китай, – Уильяма Бэроу, на основе карты которого был составлен северный сегмент карты Дженкинсона, в качестве возможной *terminus ante quem* карты Дженкинсона выдвигает 1567-1568 годы (5, с. 81-82). Данная точка зрения исследователя основана на заимствованных Уильямом Бэроу и Энтони Дженкинсоном географических названиях из журнала двух других англичан Спарка и Саутхама, совершивших путешествия в Русское государство в 1566 г. Однако уже после распространения информации об обнаружении оригинальной копии карты Дженкинсона С.Барон предположил, что печатная форма для карты была вырезана в 1562 г. и датирована указанным годом и возможно, что даже некоторые принты были уже нанесены на нее, в Лондоне же знали, что намечается визит Энтони в Сефевидское государство, но не были уверены, сможет ли он все же получить разрешение русского царя на проезд туда, и уже после получения разрешения некий агент Московской компании мог доложить об этом в Лондон, где было принято решение отложить издание карты до поступления следующей информации о путешествии Энтони в Сефевидскую империю. С.Барон предполагает, что издатель вместо того, чтобы вырезать новую печатную форму для карты решил просто добавить на нее ин-

формацию по мере ее поступления, что и произошло в 1564 г. после возвращения Дженкинсона в Лондон, когда и была издана карта (б, с. 63). Тот факт, что Тебриз, которому, как отмечает И.А.Осипов, «...уже однозначно не хватило места...» (24), был размещен в выемке на рамке карты (хотя и юго-восточнее Казвина!), подтверждает вероятность предположений С.Барона. Как указывает С.Барон, сложилось «...аномальное обстоятельство карты, якобы основанной на первом путешествии Дженкинсона, которая также включала материал из второго путешествия» (б, с. 63).

Отметим, что с 14 мая 1561 г. по 28 сентября 1564 г., отправившись по поручению королевы Елизаветы в Русское и Сефевидское государства в качестве посла последней и торгового представителя Московской компании, Дженкинсон не находился в Лондоне, где была издана карта. Соответственно, 1562 год Энтони встретил в Русском государстве, откуда он 27 апреля 1562 г. направился далее в Сефевидскую империю, пробыв там до весны 1563 г. Следовательно, Энтони никак физически не мог бы лично присутствовать при составлении и издании своей карты в Лондоне. К тому же, при рассмотрении вопроса датировки карты необходимо отличать год издания карты от года ее составления, т.к. на последнее могло быть потрачено довольно длительное время, что, очевидно, применимо к карте Энтони Дженкинсона.

Отметим, что дата издания, указанная на самой карте Дженкинсона, – 1562 год – предвосхищает экспедицию Спарка и Саутхама в 1566 г., из журнала которых были заимствованы некоторые топографические данные, а также 1566 год – год издания герба спонсора карты Генриха Сидни. Более того, тот факт, что на протяжении всего 1562 года Энтони был вдали от Лондона, где была издана его карта, но, тем не менее, на ней, хоть и без обширной информации, были отображены названия городов Сефевидского государства, в которых ему впервые удалось побывать в том же 1562 году, и впервые сведения Энтони Дженкинсона о

его путешествия в Русское и Сефевидское государство были опубликованы Ричардом Хаклюйтом лишь в 1589 г., став общедоступными для читательской аудитории, т.е. задолго после издания карты, свидетельствует о том, что, вероятнее всего, исходный материал для составления карты был передан самим Энтони Дженкинсоном в 1562 г. кому-нибудь из членов Московской компании с целью ее дальнейшего издания в Лондоне, находясь еще или в Русском государстве, где он сдружился с Сефевидским посланником, с которым он не только обедал в присутствии царя Ивана Грозного 15 марта 1562 г., но и вместе с ним направился в путь в Сефевидское государство и даже «...вошел в большую дружбу и вел много разговоров во время всего плавания по Волге до Астрахани...» (см.: 3, с. 200-201), который и мог служить информатором, или уже пребывая в самой Сефевидской империи, но, не обладая достаточно обширными сведениями о городах, указанных на карте, что и стало результатом столь скудной с точки зрения информативности презентации городов Сефевидского государства, в отличие от городов Русского государства и Средней Азии. Кроме того, отпустив Дженкинсона в путь к шаху Тахмасибу I, правитель Ширвана Абдалла-хан также назначил своего посланника и двух других лиц сопровождать и охранять Энтони, которые также могли предоставить последнему обзорную информацию о важнейших городах и социальной жизни Сефевидского государства (см.: Английские путешественники, 1937: 204). Более того, по сообщению самого же Дженкинсона из Бухары, где он находился в 1558 г., еще за 4 года до своего прибытия в Сефевидскую империю он «...достаточно уже осведомился о ней [Сефевидской империи] как в Астрахани, так и в Татарии» (3, с. 185). Отметим, что в пути из Русского государства в Среднюю Азию в июле-августе 1558 г. из Астрахани Энтони отправился в плавание вниз по Волге и далее по Каспию в компании с сопровождавшими его братьями Джонсонами и «персами» (поданными Сефевидской империи), которые и могли предоставить ему обширную информацию о

городах империи (3, с. 172). Наличие же на его карте географических данных, о которых он сам не был осведомлен, и которые стали известны англичанам позднее в результате вояжа Спарка и Саутхама, а также датировка герба Генриха Сидни 1566-ым годом, говорит о том, что, по всей видимости, исходный материал для карты был дополнен и обогащен позднее уже в самом Лондоне. Более того, ссылаясь на тот факт, что Энтони Дженкинсон в своем докладе указывает, что после возвращения из Сефевидской миссии и, проведя всю зиму 1563/1564 г. в Москве, он «...послал в Англию сухим путем вашего служащего Эдуарда Кларка с отчетами...» (3, с. 214), можно предположить, что уже весной 1564 г. в Лондоне издатель карты Дженкинсона мог обладать некоторыми сведениями о Сефевидском государстве, которые и могли стать той минимальной информацией для дополнения его карты топонимами, событиями военно-исторического и др. характера.

Еще один немаловажный факт: ввиду того, что в своем «Сжатом и кратком описании путешествия господина Антония Дженкинсона в Персидскую землю...», в котором подробно автором изложена вся его деятельность, все увиденное новое и трудности, с которыми ему пришлось столкнуться во время своей миссии, Энтони указывает точную дату своего возвращения в Лондон, а именно 28 сентября 1564 г., можно предположить, что данное «Описание» было составлено Дженкинсоном либо осенью-зимой 1564 года, сразу по возвращении (в лучшем случае!), либо уже в 1565 г. Следовательно, неудивительно, что карта Дженкинсона не содержит подробной информации о городах Сефевидского государства. К тому же, следует не забывать, что основной целью создания и издания карты Дженкинсона было представление обширной информации о Русском государстве и Тартарии, а не Сефевидского государства конкретно, что наглядно видно даже по названию самой карты «*Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*».

Кроме того, тот факт, что как само Каспийское море, так и конфигурация городов

Сефевидского государства представлена искаженно, лишний раз может служить аргументом того, что информация относительно его Сефевидского путешествия (южный сегмент карты), представленная Дженкинсоном для составления карты, была получена посредством третьего лица еще до прибытия туда самого Энтони.

Как вопрос датировки издания карты, так и ее авторство, как следствие первого, по сей день вызывают сомнения. Нередко в научной литературе можно встретить факт присвоения частичного или иногда даже всецело авторства карты Дженкинсона А.Виду, У.Бэроу, С.Герберштейну, неким русским авторам не дошедших до нас карт и др. Тот факт, что Дженкинсон для более глубокого изучения местностей Русского государства, в которых сам успел побывать до составления своей карты, пользовался картами своих предшественников и современников, и, соответственно, определенную информацию, почерпнутую из них, он заимствовал и перенес на свою карту, бесспорно, что давно доказано исследователями. Однако полностью игнорировать Энтони как составителя карты нельзя. Ввиду того, что основной задачей в данном исследовании является изучение карты Дженкинсона в качестве источника по истории Сефевидского государства, мы не будем останавливаться на данном вопросе и исследовать его подробно, лишь отметим факт признания Энтони Дженкинсона автором изучаемой карты по причине, указанной в статье выше. Авторство карты, в частности восточной и южной частей, бесспорно, принадлежит только Дженкинсону, т.к. он первый англичанин, не только побывавший как в Сефевидской империи, так и в Средней Азии, но и плававший по Каспию и описавший прибрежные территории. Тот факт, что левая часть карты более детально проработана и информационно богаче, нежели остальные, лишь лишний раз может служить доказательством авторства Дженкинсона, т.к. он мог основываться на сведениях своих предшественников, побывавших незадолго до него в Русском государстве. Кроме того, неоспоримым доказательством авторства

Дженкинсона служит тот факт, что все три картографа Ортелиус, де Йоде и ван Деютикум, благодаря которым миру стало известно о карте Энтони, в качестве автора карты указали не кого-нибудь другого, а именно Дженкинсона (!).

5. СЕФЕВИДСКАЯ ИМПЕРИЯ НА КАРТЕ ДЖЕНКИНСОНА

Представленная на карте Дженкинсона информация о Сефевидской империи может быть тематически разделена на следующие основные блоки:

- географический;
- флора и фауна;
- религиозный;
- этнографический;
- экономический;
- политический и военно-исторический.

Сведения географического характера

В отличие от других сегментов географический потенциал южного сегмента карты достаточно скуден, не информативен и не отличается точностью, т.к. представлен методом генерализации, что и не удивительно, т.к., как видно из названия самой карты, подробное описание как географических, физиографических, этнографических и др. особенностей Сефевидской империи не входило в планы автора данной карты. Тем не менее, даже та минимальная информация о Сефевидской империи представляет для нас большую важность и научный интерес.

На карте Дженкинсона изображены лишь такие города, как Дербент, Баку, Шабран, Шемаха, Ардебиль, Казвин, Тебриз, Мешхед и провинция Хорасан (*Corason magna*). Хотя помимо вышеуказанных городов в своем «Сжатом и кратком описании путешествия...» Энтони Дженкинсон дает более подробную информацию о городах, административном делении и управлении земель, и даже предоставляет сведения о границах и физиографических особенностях Сефевидской империи. Так, Дженкинсон отмечает: «Персидская земля [Сефевидская империя] велика и обширна: она разделяется на многие государства и провинции, каковы, например, Гилян, Хорас-

сан, Ширван и многие другие, в которых имеются большие и малые города и крепости. ... Вот названия главнейших городов: Тавриз [Тебриз], Казвин, Кашан, Иезд, Мешхед [Мешхед], Тегеран, Ардебиль, Шемаха, Арраш и многие другие. В сторону моря страна по большей части плоская и богатая пастбищами; но далее вглубь – высокая, покрытая горами и притом крутыми. На юге она граничит с Аравией и восточным океаном, а на севере – с Каспийским морем и Татарскими землями; на востоке – с различными областями Индии, а на западе – с рубежами Халдеи, Сирии и с другими землями Турка» (3, с. 212).

Хотя относительно Сефевидской империи карта Дженкинсона и не изобилует богатыми географическими и физиографическими данными, сведениями флоры и фауны, не дает полное представление о городах империи, как в остальных сегментах, тем не менее, она дает некоторое общее представление о северных, частично западных и восточных отрогах империи во II половине XVI в., что в свою очередь является отражением геополитической ситуации в регионе в изучаемый период. Так, как видно по карте, на севере она граничила с Каспийским морем и со странами Средней Азии, на западе – с Османской империей, а на востоке – с Индией.

Также из «Описания» ясно, что на обратном пути из Казвина в апреле 1563 г. Энтони даже лично побывал в городе Джавате, где еще раз был принят правителем Ширвана Абдалла-ханом, проведя здесь 7 дней при дворе самого правителя, а также получив от него охранные грамоты и торговые привилегии (3, с. 210-211). Тем не менее, как и оставшиеся города, этот город почему-то не был отражен на карте.

Особое внимание на южном сегменте карты к себе приковывает странная конфигурация Каспийского моря (Рис. 3). Примечательно, что Каспийское море на карте представлено искаженно или, как отмечает И.А.Осипов, «настолько фантастично». Оно «укорочено» и «округлено». Из прибрежных городов, как уже было отмечено, указаны лишь города кавказского побере-

жья. Однако Дербент, Шабран, Шемаха, Баку каким-то образом оказались на южном и юго-восточном берегах моря. Э.Д.Морган и Ч.Кут указывают, что причина данного искажения кроется в том, что карта была составлена в 1562 г., т.е. до возвращения Энтони из своего путешествия в Русское и Сефевидское государства, поэтому южные берега Каспия и прилежащие страны были очерчены полностью на основе показаний с чужих слов, собранных им в первом путешествии (8, с. сxxxv). Согласно И.А.Осипову, проанализировавшему прикаспийскую топографию, «расположение городов на карте не соответствует ни тексту отчета, ни реальной географии. Более того, становится очевидным, что декоративная рамка карты к возможному моменту получения отчета Дженкинсона о поездке в Персию [Сефевидскую империю] уже была нарисована, поэтому для того, чтобы показать на карте Тебриз, авторы были вынуждены нарушить ее целостность, а Казвин – вообще расположить к западу от Тебриза» (24) (Рис. 2). К тому же, в отличие от «Описания», где Дженкинсон отрицает впадение реки Амударьи (Оксус) в Каспий (3, с. 176-177), на карте же, наоборот, Амударья изображена впадающей в некий удлинненный залив Каспийского моря. Согласно Б.Рыбакову, «такое ограничение

Каспия только его северными берегами могло произойти лишь в результате механического округления северной половины моря, когда чертежник, плохо осведомленный о южных берегах, «округлил» одно северное побережье и сомкнул бакинский берег с кара-богазским» (28, с. 39).

Из самого же «Описания» Дженкинсона следует:

«Каспийское море... имеет около 200 лиг в длину и 150 в ширину; из него нет выходов в другие моря. К востоку от него простирается великая пустынная земля татар, называемых Туркменами, к западу – земли черкасов. Кавказские горы, Эвксинское море, лежащее лигах в 100 от Каспийского. На севере находится Волга и земля ногайцев, а на юге лежат страны Мидии [Азербайджан] и Персия [Сефевидская империя]. В некоторых местах это море пресно, а в других – такое же соленое, как наш великий океан. Много прекрасных рек впадают в него, но само оно не имеет истока, разве только под землей. Вот наиболее замечательные реки, впадающие в него: во-первых, Волга... Есть и другие большие реки, в него впадающие, как например, Яик и Эмба из Сибири, а из Кавказских гор – реки Кура (Cyrus) и Аракс (Arash) и др.» (3, с. 187-188).

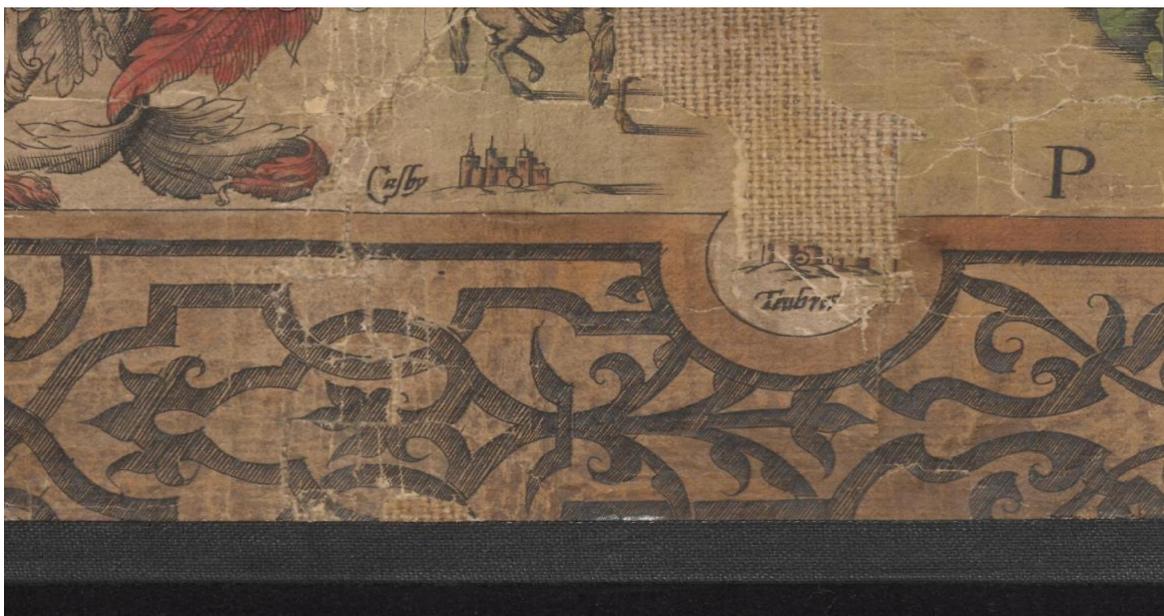

Рис. 2. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

Из двух главных водных артерий Азербайджана – рек Куры и Араза – на карте Дженкинсона изображена лишь Кура (Рис. 4), хотя в своем «Описании» Дженкинсон упоминает и про реку Араз, однако на карте ее названия нет, хотя и изображено разветвление Куры (!). Расположение р. Куры не лишено неточностей. Так, на карте города

Шабран и Баку, между которыми (хоть и ошибочно, ибо Кура впадает в Каспий южнее Баку!), согласно Дженкинсону в его «Описании» (3, с. 206), Кура впадает в Каспийское море, расположены на юго-восточном берегу моря, а не на западном, как должно быть.

Рис. 3. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

Также в своем «Описании» Дженкинсон отмечает, что «город Дербент ... расположен на берегу моря под 41° широты и примыкает к вышесказанной земле Шамхала» (3, с. 202), однако на самой карте Дербент, как и Шемаха, указан к югу от Баку, причем на юге Каспийского моря, в то время как

Шамхал – на северо-востоке, причем на карте широта Дербента соответствует ориентировочно 39° широте. Ардебиль же, который в «Описании» указан на 38° широте, на карте расположен ориентировочно на 34° широте.

Рис. 4. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

Эти «дикие неточности» на данной части карты С.Барон объясняет тем, что основной целью Дженкинсона в путешествии по Русскому государству и Сефевидской империи была не география, а торговля. Аналогичную точку зрения выразил в свое время еще У.Оукешотт (23, с. 704). С.Барон в качестве весомого аргумента приводит тот факт, что в 1572 г., резюмируя свои путешествия, начавшиеся с 1546 г., Энтони Дженкинсон даже не упомянул о своей карте. Исследователь предполагает, что по возвращении в Англию в 1560 г. Дженкинсон вряд ли бы занялся картографией, концепция и исполнение задания были оставлены другим лицам. Более того, согласно С.Барону, если на протяжении всего маршрута хорошо известного ему пути от Англии до Москвы Энтони использовал астролябию, то на землях к югу от Москвы, вдоль Каспия и в Сефевидской империи, ранее неизвестных ему, он очень мало использовал измерения астролябии (6, с. 63-64). Действительно, в своем «Описании» Энтони указал лишь широты двух городов – Дербента и Ардебилля (см.: 11, с. 367, 369).

Вышеуказанные факты, а именно неправильное расположение городов на берегу

Каспийского моря (а также различия в написании географических названий в самом «Описании» Дженкинсона и на его карте!), искаженное представление самого Каспия, отсутствие названия городов, о которых было известно самому Энтони Дженкинсону, лишний раз доказывают, что карта была составлена Дженкинсоном еще до его прибытия в Сефевидскую империю и, следовательно, материал для южного сегмента, на котором была расположена Сефевидская империя, скорее всего, был составлен со слов третьего лица.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся погрешности, карта Дженкинсона может быть интересным объектом исследования для топонимистов. Название таких городов Сефевидской империи, как Дербент, Шабран, Шамахи, Баку, Казвин, Ардебиль, Тебриз, Мешхед представлены на карте на английском языке следующим образом: *Derben, Shaueren, Shamaghi, Backow, Casby, Ardwin, Teubres, Meshent*.

Из 19 географических названий, указанных Дженкинсоном в своем «Описании» путешествия в Сефевидское государство на карте отражены лишь 13 (см.: Таблица 1).

Таблица 1: Список соотношения географических названий, относящихся к Сефевидской империи, на карте Дженкинсона 1562 года и в его «*Описании*» 1589 года.

Географические названия, отображённые на подлинной карте Дженкинсона 1562 г.	Географические названия и их вариации, указанные в «Сжатом и кратком описании путешествия господина Антония Дженкинсона в Персидскую землю...», и их переводы на русский язык (Из Hakluyt, R. The Principal Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation... (1589))
Media (Азербайджан) Persia (Персия) Mare Caspivm (Каспийское море) Cirus fl. (р. Кура) Corason parua (Хорасан малый) Corason magna (Хорасан великий) Shaueren (Шабран) Backow (Баку) Derben(t) (Дербент) Shamaghi (Шамахи) Ardwin (Ардебиль) Teubres (Тебриз) Casby (Казвин) Meshent (Мешхед)	The province of Aderraugan (Азербайджан) Persia (Персия) Mare Caspium or Hircanum, Caspian Sea, Hircan Sea (Каспийское море) Corasan (Хорасан) Shiruan, Shyuansa, Shyruan, Нурган, Hircanes, Hircane, Hircania (Ширван) Casbin, Casben (Казвин) Derbent (Дербент) Ordowill (Дербент) Shabran (Шабран) Bacowe (Баку) Arrash (Араш) Tebris, Tauris, Teueris (Тебриз) Shamachie, Shamackye, Shamakye (Шамахи) Meskit (Мешхед) Keshan (Кашан) Yesse (Йезд) Heirin (Тегеран) Gillan (Гилан) A great river called Curre (р. Кура) Arash (р. Араз)

Таблица 2: Список имен сефевидских шахов, их титулов и названий народов на карте Дженкинсона 1562 года и в его «*Описании*» 1589 года.

Имена шахов, их титулов и названия народов, указанные на карте Дженкинсона 1562 г.	Имена шахов, их титулов и названия народов, указанные в «Сжатом и кратком описании путешествия господина Антония Дженкинсона в Персидскую землю...» (Из Hakluyt, R. The Principal Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation... (1589))
Medi Persaeque Persis Persarum Principe A Rege Persico Sophi Ismael Sophi	Esmael Sophie Shah Thamas Persians

Рис. 6. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

Как видно, уникальность данной карты состоит не только в наличии и отражении на ней географических данных, исторических событий, но также интересных сведений религиозно-культурной жизни Сефевидской империи в изучаемый период. Отметим, что ни в прамбуле, ни в самом тексте письма королевы Елизаветы I Тюдор, адресованного шаху Тахмасибу I 25 апреля 1561 г., нет ни единого упоминания о мусульманском вероисповедании шаха или его подданных, что свидетельствует о том, что до прибытия Дженкинсона в Сефевидское государство ни королева, ни он не были хорошо осведомлены о религиозном вероисповедании данного государства. Надпись же на карте дает нам информацию религиозного характера, а именно об особенности религиозного направления, исповедуемого Сефевидами. Как известно, официальной религией в Сефевидской империи был ислам шиитского толка.

Отметим, что в «Описании» Энтони Дженкинсона также присутствует информация о данной религиозной особенности Сефевидов. Находясь в 1558 г. в Бухаре, Энтони стал свидетелем военного противостояния между Сефевидами и туркестанскими

ханами, которому он придал религиозный окрас. Так, согласно Дженкинсону, «одним из поводов войн между ними служит то, что персы [Сефевиды] не стригут волос на верхней губе, как это делают бухарцы и прочие татары, которые считают это поведение персов [Сефевидов] великим грехом. Поэтому они зовут персов [Сефевидов] кафарами, т.е. неверными, как они называют христиан» (3, с. 182-183).

Позже, уже побывав в самой Сефевидской империи в 1562 г., Дженкинсон в своем «Описании» характеризует религиозное вероисповедание Сефевидов следующим образом:

«И хотя персы [Сефевиды] такие же магометане, как турки [Османы] и татары [народы Средней Азии], но они почитают ложного и вымышленного пророка Али, говоря, что он был самым главным учеником Магомета, и денно и нощно проклинают и бранят трех других учеников Магомета – Омара, Османа и Абу-Бекра. Последние убили Али; по этой причине и вследствие других разногласий между духовенством и в законах, относящихся к религии, они вели и до сих пор ведут смертельные войны с турка-

ми [Османами] и татарами [народами Средней Азии]» (3, с. 213).

Как отмечает Х.Хьюстон, «контрасты между Сефевидской и Османской империями, и особенно шиитским статусом Персии [Сефевидской империи], использовались английскими путевыми писателями в тот период для создания имиджа Персии [Сефевидской империи] как нации, открытой для английской торговли и путешествия» (12, с. 149).

Кроме того, на подлинной карте Дженкинсона помимо надписей, твердо указывающих на исламское вероисповедание населения Сефевидского государства, также запечатлен силуэт основателя Сефевидского государства – сидящего шаха Исмаила I (Рис. 7). Примечательно, что Дженкинсон, изобразив шаха в традиционном Сефевидском одеянии – длинной рясе, запоясанной

на откос, и в специальном головном уборе, надеваемым мусульманами, – тюрбане, который, как отмечает профессор Н.Матар, «превратился в самый основной, самый опасаемый и внушающий страх символ ислама в эпоху Ренессанса.., выдающийся символ мусульманской мощи и господства» (18, с. 39), и с длинными усами, сумел визуально передать пользователям карты информацию, как об исламском веровании, так и частично об этнографических особенностях, традиционной мужской одежде населения Сефевидской империи. Отметим, что в своем «Описании» Дженкинсон также дает информацию о Сефевидских одеяниях: «...двое из его придворных встретили меня с двумя одеяниями, сшитыми по обычаю этой страны, косо скроенными и достигающими земли» (3, с. 204).

Рис. 7. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

Отметим, что в своем «Сжатом и кратком описании путешествия...», основанном на увиденном лично, Энтони Дженкинсон дает ценную информацию о королевских нарядах Сефевидов. 20 августа 1562 г. в Шемахе Энтони был принят правителем Ширвана Абдалла-ханом, которого Джен-

кинсон описывает следующим образом: «...богато одет в длинные шелковые и парчевые одежды... На голове у него был остроконечный тюрбан» (3, с. 203). 24 августа Энтони вновь был приглашен на обед к нему, во время которого тот одарил его «...двумя одеяниями, сшитыми по обычаю

этой страны, косо скроенными и достигающими земли» (3, с. 204).

Сведения экономического характера

Карта Дженкинсона также представляет определенный интерес и для изучения экономической жизни Сефевидского государства. Так, к примеру, одна из надписей свидетельствует об изобилии тут шелковых изделий, являвшихся одной из основных статей торгового экспорта:

“Medi, Per[ae]que Mahumetani [sunt, a]bidueque cum Turcis Tartari[que] pugna confligunt. ... In his autem regionibus maxima serici copir es”
(Рис. 6).

Перевод:

«Мидийцы и персы [под «персами» Дженкинсон имел в виду подданных Сефевидского государства] мусульмане. Постоянно вели военные действия с тюркскими тартарами ... Но в этих странах производят много шелковых изделий».

Вплоть до сегодняшнего дня чуть ли не абсолютное большинство как отечественных, так и западных исследователей ошибочно считают, что англо-сефевидские взаимоотношения ограничивались лишь торгово-экономическим сотрудничеством и склонны обуславливать интерес Англии по отношению к Сефевидскому государству лишь такими «мотивами», ставшими, увы, стереотипными, как необходимостью для первой найти источники дешевого сырья и выгодный рынок сбыта своих товаров, проложить транзитный путь в Индию, стремлением английских торговцев монополизировать торговлю сефевидским шелком. Стремления же английской короны и торгового капитала активно сотрудничать с Сефевидами в сфере шелковой промышленности зачастую исследователями характеризуется как *raison d'être* англо-сефевидских взаимоотношений. Отметим, что Энтони не случайно акцентировал свое внимание на обилии шелковых изделий: одной из главных задач английской короны и торгового капитала было установление торговли шелком с

Сефевидской империей. Так, из «Памятной записки...» руководства Московской компании от 8 мая 1561 г, данной Энтони Дженкинсону при отправке его в Русское и Сефевидское государство, следует: «Что касается знания шелков, то нам нет нужды давать вам какие-либо инструкции, кроме тех, которые вам известны» (3, с. 198). Как видно, еще до отправки в Сефевидскую империю Энтони прошел инструктаж компании. Насколько серьезно англичане относились к торговле шелком и как сильно было их стремление преуспеть в данном деле, видно из письма английского агента А.Эдуардса, адресованного руководству Московской компании 8 августа 1566 г., свидетельствующего о том, что «...Антоний Дженкинсон предлагал [шаху Тахмасибу] брать весь шелк-сырец из здешних стран, уплачивая взамен сукном и другими товарами» (3, с. 233). Кроме того, описывая города Ширвана, в котором Энтони побывал впервые в 1562 г., он сам отмечает, что самый богатый торговый город – это Арраш, в котором «...производится более всего шелка-сырца... В этом государстве можно достать различные доброкачественные и необходимые товары... Однако главный здешний товар – это шелк-сырец всяких сортов, которого здесь большое изобилие» (3, с. 205).

Карта Дженкинсона также сообщает нам о торговой жизни Сефевидского государства, в частности указывает на ареал распространения торговой деятельности сефевидских торговцев:

“Boghar urbs ampliffima, aliquando Per[fi]s fuit subdita. ... Frequentia hic sunt commercia, tum ex Cataya, India, Per[fi]a, alijsque orbis tractibus” (Рис. 8).

Перевод:

«Бухара самый большой город, в ранние годы он был подчинен персам [Сефевидам]. ... Там очень часто торгуют торговцы из Китая, Индии, Персии [Сефевидской империи] и других областей различных стран».

Рис. 8. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

Как видно, несмотря на то, что почти весь XVI век запомнился в военно-политической истории Сефевидского государства военными действиями против узбекских ханов, Сефевиды, тем не менее, не прекращали вести тут торговлю.

Сведения политического и военно-исторического характера: карта Дженкинсона как источник по истории сефевидско-туркестанских, сефевидско-османских и англо-сефевидских взаимоотношений

Помимо сведений географического характера, о религиозной и экономической жизни и этнографических особенностях Сефевидского государства латинские надписи на подлинной карте Дженкинсона также содержат интересный дипломатический и военно-исторический материал. Карта Дженкинсона одновременно также может слу-

жить ценным историческим источником по истории взаимоотношений Сефевидского государства как с ханами Средней Азии, так отчасти и с Османской империей, а также с Англией. В данном отношении особый научный интерес для нас представляют следующие латинские надписи на карте:

1) *“Horu Vrgence Principem locum tenet. Incolae Mahumeticam sectam agnoscunt, uiuuntque iuxta Nagaiorum consuetudinem, ac cum Persarum Principe (uulgo Sophi nuncupato) continenter belligerantur”* (Рис. 9).

Перевод:

«Время и место княжества Ургенч. Жители исповедуют магометанскую религию и живут по ногайским обычаям и с князем персов [Сефевидским шахом] (так называемым Софи) они постоянно ведут войну».

Рис. 9. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

2) “*Vrbs Coraslon a Rege Persico adiuuantibus Tartaris anno 1558 expugnata fuit*” (Рис. 10).
Перевод:

«Город Хорасан был захвачен в 1558 г. персидским королем [Сефевидским шахом Тахмасибом I], которого поддержали тартары».

Рис. 10. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*”.

3) “*Boghar urbs amplissima, aliquando Persis fuit subdita. Ciues Mahumeticam herefim amplexantur, Persicaeque loquuntur. Frequentia hic sunt commercia, tum ex Cataya, India, Persia, aliisque orbis tractibus*” (Рис. 8).

Перевод:
«Бухара самый большой город, в ранние годы он был подчинен персам [Сефевидам]. Жители – еретики-мусульмане и говорят по-персидски. Там очень часто торгуют торговцы из Китая, Индии, Персии [Сефевидской империи] и других областей различных стран».

Отношения Сефевидов с ханствами Туркестана носили напряженный характер и характеризовались частыми военными действиями. Два соседских государства Шейбанидов (узбекская династия, правящая в Бухарском ханстве) и Сефевидов практически одновременно появились на политической карте мира. Оба ново созданных, молодых государства стремились к расширению своих территорий и сфер влияния, что, соответственно, не могло не отразиться на их взаимоотношениях и вскоре вылилось в военно-политическое столкновение двух государств. Основным объектом борьбы двух государств являлась именно провинция Хорасан, представляющая для обеих сторон как большую экономическую, так и стратегическую важность. Центр Хорасана – Герат – являлся резиденцией наследников Сефевидского шаха. Весь XVI век можно охарактеризовать веком активной сефевидско-шейбанидской борьбы за Хорасан. Как отмечает Р.Агаев, укрепление Сефевидов тут не отвечало интересам Шейбанидов, т.к. в этом случае для последних был бы закрыт торговый путь, как на запад, так и на юг, в Индию. Как известно, Герат, являвшийся одним из крупнейших городов Хорасана, был связующим звеном в транзитной торговле Центральной Азии с Индией (2, с. 98). Т.Наджафли также подчеркивает особую стратегическую и религиозную значимость Хорасана для Сефевидов. Согласно исследователю, с одной стороны, в этой провинции находилась гробница Имама Рзы, имевшая особое значение для шиитов (официальной религией Сефевидов был ислам шиитского направления), с другой стороны, эта провинция характеризовалась и стратегической значимостью. Установление контроля над Гератом, являвшимся центром этой провинции и самым крупным городом на востоке государства, гарантировало безопасность восточных границ государства. Поэтому правителем этой провинции шах Исмаил I сперва назначил своего сына Тахмасиб мирзу, потом другого сына – Сам Мирзу. Согласно Т.Наджафли, назначение правителями в данную провинцию детей шаха демонстрировало, какую важность шах

придавал охране и сохранению этой провинции под своим контролем (22, с. 31).

Как известно, основу Шейбанидского государства составлял союз узбекской знати и влиятельного мусульманского духовенства суннитского толка. Крупное суннитское духовенство Центральной Азии поощряло Шейбанидов на военные действия против Сефевидов. Как следствие, неудивительно, что Шейбаниды вели войну против Сефевидов под лозунгом «священной войны» против «еретиков шиитов» (см.: 9, с. 100). Энтони Дженкинсон в своем «Описании» также подтверждает, что войны между Сефевидами и Бухарой имели религиозный характер. Так, Дженкинсон отмечает, что *«Бухарская страна была когда-то под властью персов [Сефевидов], и теперь еще в ней говорят на персидском языке; однако теперь Бухара – независимое королевство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами [Сефевидами], хотя все они магометане. Одним из поводов войн между ними служит то, что персы [Сефевиды] не стригут волос на верхней губе, как это делают бухарцы и прочие татары, которые считают это поведение персов [Сефевидов] великим грехом. Поэтому они зовут персов [Сефевидов] кафарами, т.е. неверными, как они называют христиан»* (3, с. 182-183). Однако религия была лишь ширмой для Шейбанидов. Как отмечает Р.Агаев, *«на первый взгляд эта борьба выглядела борьбой за Хорасан, на самом же деле за ней крылась борьба за первенство в исламском мире ... История взаимоотношений двух государств состояла лишь из военно-политических отношений»* (2, с. 100-101).

Территориальные претензии Шейбанидов к Сефевидам начались после того, как в 1507-1508 гг. Мухаммед хан Шейбани, воспользовавшись занятостью шаха Исмаила I внутригосударственными смутами, положил конец правлению династии Тимуридов и, захватив Хорасан, начал вторгаться в пределы Сефевидского государства. Война стала неизбежна. Одна из ключевых битв - Мервская - между двумя государствами произошла 1 декабря 1510 г., окончившаяся со-

крушительным разгромом Мухаммед хана Шейбани, которому Сефевиды отрубили голову и, наполнив скальп соломой, отправили османскому Султану Баязиду (подробнее см.: 13, с. 74-77), и установлением власти Сефевидов над всей территорией Хорасана вплоть до р. Амударьи. Даже приближение правителя Бухары Убейдуллы хана – племянника Мухаммед хана Шейбани – с 10-тысячным войском к крепости Мерв, не спасло ситуацию. Узнав, что Мухаммед хан Шейбани был убит, Убейдулла хан был вынужден отступить обратно в Бухару. В отличие от правителя Бухары, правитель Хорезма Ильбарс хан, согласно О.Экаеву, в период Мервской битвы между шахом Исмаилом и правителем Ургенча Ильбарсом существовали дипломатические отношения, и они даже состояли в секретном сговоре против Мухаммед хана Шейбани (цитирую по: 22, с. 28). Исмаил даже называл Ильбарса своим наибом (26, с. 821). Ильбарс даже приказал читать хутбу в честь шаха Исмаила в Хиве и Ургенче (цитирую по: 22, с. 28). Так, шах Исмаил I, захватив и Хорезм, расширил территорию вплоть до Маверраанахра.

В 1511 г. правитель Бухары Убейдулла хан и правитель Самарканда Теймур султан отправили своих послов к шаху Исмаилу I с дарами, выразив ему свою покорность. В результате между Сефевидами и Шейбанидами граница установилась по р. Амударья. Однако узбеки недолго оставались верны миру, уже в 1513 г. с целью реванша предприняли попытки вернуть земли, хотя и неудачно. В 1513 г. они опять направили шаху Исмаилу I посольскую миссию из 300 человек во главе с шейхом Нагшибандийа в Бухаре Ходжой Абдурахимом с предложением установления мирных отношений и предлагая р. Амударью в качестве межгосударственной границы. Шах Исмаил I согласился лишь после того, как по его требованию правитель Бухары Убейдулла хан пришел к нему на покаяние. Однако мир с Шейбанидами оказался иллюзорным. После смерти шаха Исмаила I Убейдулла хан вновь активировал свою деятельность в направлении возврата под свой контроль Хорасана. После восхождения на Сефевид-

ский трон шаха Тахмасиба I лишь в течение 12 лет узбеки по инициативе Бухарского хана Убейдуллы ровно 6 раз предпринимали попытки вернуть Хорасан (в 1524, 1526, два раза в 1528, 1532 и 1535 годах). Самая ожесточенная битва произошла 24 сентября 1528 г. у Джама, недалеко от Сарыгамыша. В ожесточенной битве столкнулись 120 тыс. узбекских и 24 тыс. Сефевидских войск. Отличившийся своей храбростью и талантом полководца, несмотря на свой юный возраст, 14-летний шах Тахмасиб I при наличии всего лишь оставшегося 3-тысячного войска разгромил численно превосходившего его Убейдуллу хана вместе с остальными 80 «падишахами туранских владений» (13, с. 105-113; 10, с. 233; 22, с. 41-44). Согласно Искендер беку Мюнши, произошла столь ожесточенная битва, что *«от копыт лошадей поднялась такая пылица, что солнце, озарявшее все вокруг, покрылось никабом»* (13, с. 109).

После смерти в 1539 г. Убейдуллы хана отношения Сефевидов с узбекскими ханами относительно нормализовались. Венецианский посол Микеле Мембре, находившийся в тот период в Сефевидской империи, стал свидетелем прибытия 1 апреля 1540 г. к шаху в Тебриз посла от правителя Хорезма Узбека, выразившего желание стать вассалом шаха Тахмасиба I (33, с. 66-67). Согласно Микеле Мембре, *«поэтому шах устроил праздник. По его приказу, в течение трех дней и ночей на площади звучали его накар...»* (33, с. 67; также см.: 27, с. 40-42). Новый бухарский правитель Абдулазиз также направил своего посла с дарами в Тебриз к шаху Тахмасибу I в 1541 г. В 1551 г. и правитель Хорезма Динмухаммед хан отправил к шаху посольство с ценными подарками с целью наладить отношения (22, с. 79). Однако после смерти Динмухаммед хана новый правитель Хорезма, его брат Али султан несколько раз совершал нападения на Хорасан. В 1558 г. шах Тахмасиб I с 15-тысячным войском послал карательную армию в Астрабадскую провинцию против туркмен, сплотившихся вокруг Али Султана. Несмотря на численное превосходство, некоторые Сефевидские полководцы погиб-

ли, некоторые потонули в реке, а остальные были пленены (подробнее см.: 13, с. 206-214; 22, с. 80). Тем не менее, это не привело к завоеванию Хорасана узбеками. В итоге, восстание было подавлено. Дженкинсон, находившийся в октябре 1558 г. в Ургенче, невольно стал свидетелем тех событий. Так Дженкинсон описывает происходившие события: «*Так как мы оставались здесь в течение месяца, ожидая времени дальнейшего путешествия, король этой страны по имени Али-Султан ... возвратился из города Хорасана, в пределах Персии [Сефевидской империи], завоеванного им у персов [Сефевидов], с которыми он и остальные короли Татарии ведут постоянно войны*» (3, с. 177). Как видно, латинская надпись на карте Дженкинсона не совпадает с изложением событий того периода в его же «*Описании*». Надпись на карте гласит, что «*город Хорасан был захвачен в 1558 г. персидским королем [Сефевидским шахом Тахмасибом I] ...*». В «*Описании*» же, наоборот, Дженкинсон указывает, что в 1558 г. Али Султан завоевал Хорасан у Сефевидов. 1558 год запомнился в истории противостояния Сефевидов с Туркестанскими ханствами как один из самых неудачных в военном плане для первых. События 1558 года нельзя характеризовать ни завоеванием Хорасана Сефевидами, т.к. он был завоеван ими намного ранее, ни завоеванием его Али Султаном. Астрабадские события подробно изложены в труде известного Сефевидского придворного хрониста Искендер бека Мюнши, в котором детально описаны как удачи, так и неудачи Сефевидов в военных действиях с узбекскими ханами на протяжении всего XVI века. Примечательно, что хронист не характеризует происходившее завоевание Хорасана той или иной из противных сторон, хотя и демонстрирует всю сложность ситуации для Сефевидской армии. Подсознательно возникает вопрос, как возможно такое расхождение информации одного и того же человека, тем более являвшегося свидетелем происходивших событий? Ответ может быть один: вероятнее всего, информация для составления карты была передана Дженкинсоном второму лицу, допустившему столь

грубую ошибку. Как отмечает И.А.Осипов, «*...надпись составлялась со слов, и авторы перепутали или неправильно расслышали рассказчика*» (24). Вероятно, именно поэтому карте свойственны анахронизмы: хотя надпись и гласит, что Хорасан был завоеван Сефевидами, тем не менее, он и Мерв изображены на карте принадлежащими туркменским ханствам. Более того, стал бы Али Султан совершать новые завоевательные походы в Хорасан в 1559 и 1563 годах, если бы Хорасан был им отвоеван у Сефевидов в 1558 г.? Конечно же, нет.

Кроме того, вероятнее всего, под завоеванием Хорасана Сефевидами в 1558 г. Энтони Дженкинсон подразумевал подавление ими Астрабадского восстания. Следует различать Хорасан малый (*Corason parua*) и Хорасан великий (*Corason magna*) на карте (Рис. 8). К.Мешкат предполагает, что «*Хорасан малый Дженкинсона, расположенный на его карте к югу от р. Амударьи (Oxus) и к западу от Мерва (Mare), почти наверняка может быть идентифицирован как Астрабад...*» (20, с. 49). Следовательно, отсюда и возникла путаница в вопросе завоевания Хорасана.

Тот факт, что в преамбуле письма Елизаветы I Тюдор к шаху Тахмасибу I, датированного от 25 апреля 1561 г., в титулатуре шаха королева не упоминает Хорасан, и в «*Описании*» самого Дженкинсона «*Хорасан*» уже перечисляется среди провинций Сефевидской империи, а в письме к шаху Мухаммеду Худабенде от 10 июня 1579 г. королева Елизавета обращается к шаху уже как и к «*королю Хорассана*» (см.: 3, с. 193, 212, 262), свидетельствует о том, что, вероятно, Энтони Дженкинсон действительно передал материал для составления карты еще до своего прибытия в Сефевидскую империю, не располагая подробными сведениями военно-политической истории империи. К тому же, видимо, именно по этой причине не случайно на карте Дженкинсона изображен именно прославившийся в европейских дворах великий шах Исмаил I, а не шах Тахмасиб I, к которому отправился Энтони и о котором он ничего не знал на тот момент.

К слову, одной из главных причин, почему в декабре 1558 г. Энтони не смог проехать дальше из Бухары в направлении Сефевидской империи, являлась именно опасная ситуация на путях, возникшая как следствие сефевидо-туркестанских военных действий. Как указывает Дженкинсон, «...только что начались большие войны между Суфием и королями Татарии...» (3, с. 185).

Все последующие попытки узбеков завоевать у Сефевидов Хорасан также завершились безрезультатно (см.: 1, с. 127).

Тот факт, что Дженкинсон неспроста на своей карте запечатлел многолетнюю вражду Сефевидов с узбекскими ханами, подтверждает точка зрения отечественного исследователя М.Агаларлы, согласно которому Амасийский мирный договор 1555 г., заключенный между Османской и Сефевидской империями, являлся договором, порожденным сложившейся политической необходимостью, т.к. борьба на два фронта (против Османов на западе и против узбеков на востоке) была сильным ударом по военно-политическому положению государства. Согласно М.Агаларлы, «османо-шейбанидский союз, который вел серьезную борьбу за прекращение политического присутствия Сефевидского государства, ставил под угрозу политическое существование государства. Именно по этим причинам заключение Амасийского мирного договора, не отвечавшего политическим интересам и завершившийся потерей территорий Сефевидского государства, был вынужденным историческим шагом для Сефевидов» (1, с. 120). Кроме того, источники свидетельствуют о наличии дипломатических переписок между османскими султанами и узбекскими ханами, в которых первые подстрекали последних на вступление в совместные военные действия против их общего врага – Сефевидской империи (подробнее см.: 10, с. 209, 228, 249). Некоторые источники даже указывают о предоставлении в 1554 г. султаном Сулейманом узбекскому хану Абдуллатиф хану военной помощи не только вооружением, но и войском численностью в

300 янычаров и отрядом пушкарей (см.: 10, с. 228, *qeyd*).

Более того, как ранее было отмечено, карта Дженкинсона также может служить источником по истории османо-сефевидских взаимоотношений. На южной части карты изображен сидящий шах Исмаил I, а слева от него, по всей видимости, конница Османской армии, вооруженная мечами и направлявшаяся на шаха (**Рис. 11**). Хотя рисунки и не сопровождаются текстовыми пояснениями, можно смело предположить, что автор карты, по-видимому, пытался изобразить известное всей Европе османо-сефевидское противостояние, хотя, как известно, после заключения шахом Тахмасибом I Амасийского мирного договора в 1555 г., положившего конец османо-сефевидским войнам, длившимся полвека, вплоть до 1578 г. между двумя государствами царили относительно мирные отношения, свидетелем чего явился и сам Энтони, находясь в Казвине. К слову, именно из-за приверженности мирному договору с Османской империей и желанию сохранить мир и спокойствие в своей стране шах Тахмасиб I отказался устанавливать какие бы то ни было отношения с Елизаветинской Англией. Тем не менее, на карте Дженкинсона османо-сефевидские отношения были представлены именно вражескими и в активной фазе военного противостояния.

Большой интерес не только для определения года составления самой карты, но и для изучения англо-сефевидских взаимоотношений представляет также следующая латинская надпись на ней:

“Cum Serenissima Regina privilegio” (**Рис. 5**).

Перевод:

«По привилегии светлейшей королевы».

Как известно, основной целью миссии Энтони Дженкинсона в Сефевидскую империю было именно получение торговых привилегий от Сефевидского шаха. Сефевидская империя, как отдельная единица, представляла для Англии ничуть не меньший коммерческий интерес, чем Индия. В памятной записке, врученной Энтони губернаторами Московской компании от 8 мая 1561

г., указано: «...Вы должны получить от названного Суфи [шаха Тахмасиба] и других государей привилегии и охранные грамоты в возможно широком объеме для твердого установления дальнейшей торговли товарами...» (3, с. 196). Хотя долгожданная для англичан аудиенция Энтони Дженкинсона у шаха Тахмасиба I, состоявшаяся 20 ноября 1562 г. в Казвине, и завершилась не столь плодотворно и «из этого скромного начала» не возникли «великие последствия» (3, с. 194), как на то надеялась английская королева Елизавета I Тюдор, тем не менее, Дженкинсону в апреле 1563 г. удалось добиться от ширванского правителя Абдаллахана определенных торговых привилегий. Из текста привилегий следует, что «вследствие настойчивого ходатайства и просьбы нашего любезного и возлюбленного Антония Дженкинсона» английским купцам-предпринимателям даровали «полную свободу, безопасный пропуск и разрешение приезжать или посылать своих агентов по торговле товарами в нашу страну, совершать покупки и продажи», «пребывать и обитать в нашей стране столько времени, сколько они пожелают, и уезжать, когда им будет угодно, без задержек, помех и препятствий как относительно их самих, так и их товаров», причем разрешалась торговля беспошлинная (3, с. 215).

Тот факт, что королева Елизавета адресовала также особое письмо русскому царю Ивану Грозному с просьбой пропустить через свои владения Дженкинсона с миссией к Сефевидскому шаху, составленное в тот же день, что и письмо шаху Тахмасибу, т.е. 25 апреля 1561 г., в качестве своего посланника в Сефевидскую империю избрала не кого-нибудь, а именно Э.Дженкинсона – одного из самых искусных английских купцов и путешественников, составила письмо Сефевидскому шаху на трех различных языках, со свойственной ей хитростью и дипломатической маневренностью убеждала шаха в выгоды установления взаимоотношений и

начала торговой деятельности между двумя государствами, лишней раз доказывает, насколько необходимым было для английской короны установление торговых отношений с Сефевидской империей (14, с. 35-36; 15, с. 215-219), о чем в свою очередь свидетельствует имеющаяся на карте надпись о привилегиях королевы. Отметим, что расширение и процветание Московской компании сами английские агенты связывали с приобретением торговых привилегий от Сефевидской империи. Как следует из письма Артура Эдвардса сэру Томасу Лоджу и секретарю Московской компании господину Томасу Никольсону, датированному 26 апреля 1566 г.: «Когда это будет достигнуто [торговые грамоты и привилегии от шаха], большие выгоды будет иметь компания и большое спокойствие настанет для тех, кто остается здесь... Я, однако, не сомневаюсь, что раз привилегия будет приобретена и получена, мы будем жить в спокойствии и отдыхать и скоро превратимся в большую фирму по торговле шелком-сырцом и шелковыми материями, всякими сортами пряностей и москательных товаров, а равно и другими здешними товарами» (3, с. 222). Неслучайно на протяжении долгих 20 лет Англия направила в Сефевидскую империю целых шесть торговых экспедиций (1561-1564, 1563-1565, 1565-1567, 1568-1569, 1568-1574, 1579-1581 гг.), даже несмотря на тяжелые условия путешествий. Спустя 17 лет после миссии Дженкинсона в Сефевидскую империю и получение торговых привилегий от Абдаллах-хана в своем письме шаху Мухаммеду Худабенде Елизавета оценила данное мероприятие как «почтенное посольство» (3, с. 262).

Кроме того, данная латинская надпись на карте, на которую ранее никто из исследователей данной карты не обратил внимания, подтверждает, что, несмотря на то, что на карте годом ее издания указан 1562 год, дополнения на ней производились и позже (!).

Рис. 11. Фрагмент карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*?

Кроме того, тот факт, что на карте шах Исмаил I изображен один, без своей многочисленной армии, может косвенно свидетельствовать о мощи Сефевидской империи, в частности же самого шаха, на которого королевские дворы европейских государств возлагали большие надежды в борьбе с османской агрессией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анализ подлинника карты Энтони Дженкинсона выявил, насколько большое значение и историческую ценность она имеет не только для истории картографии России, Англии, Азербайджана, стран Средней Азии, но и для изучения в первую очередь истории, географии, топонимики, этнографии, экономики и др. сфер указанных государств. Согласно К.Сзыкуле, благодаря большой находке которой научный мир обрел шанс познакомиться с оригиналом карты Дженкинсона 1562 года, она представляет собою «...неисчерпаемый источник для исследования различных точек зрения» (32, с. 147). Кроме того, было доказано, что данная карта может служить и ценным историческим источником в деле изучения военно-

политической истории, религиозной и экономической жизни Сефевидской империи.

Данная карта не предназначалась для компасной навигации, а преследовала цель визуальной передачи увиденного при путешествиях в новые страны, включая Сефевидскую империю. Как подчеркивает Дж.Броттон, «каждая карта также выражает собою конкретную идею или проблему, которые и смотивировали ее создание, и запечатлела понимание мира ее современниками, начиная от науки, политики, религии и империи вплоть до национализма, торговли и глобализации» (7, с. 27). Согласно И.А.Осипову, «...предназначение карты было скорее познавательным. Это – карта-отчет, насыщенная богатой палитрой, масштабная, визуальная демонстрация новых знаний, а также самостоятельной работы от начала и до конца, а с учетом упоминавшейся линейки испанских миль, не исключено, что и карта-вызов, заявление о достижениях. Англичане хотели подчеркнуть ей свой несомненный приоритет в представлении картографических сведений о неизвестных северо-восточных и юго-восточных территориях; желание было

настолько сильным, что они вынуждены были растянуть свою работу на несколько лет, каждый раз добавляя все новые и новые материалы, поступающие от посылаемых в далекие страны экспедиций» (24).

Отметим, что Энтони Дженкинсон являлся первым англичанином – официальным лицом государства, побывавшим как в ханствах Средней Азии, так и в Сефевидской империи. Естественно, его обязанностью была передача английской короне и руководству Московской компании, чьим представителем он являлся тут, максимально подробной информации как об экономических возможностях указанных государств, так и геополитической обстановке в регионе, а также культуре, религии, быте и даже нравах местных народов, что также видно из подробных отчетов Дженкинсона о своих путешествиях и открытиях тут.

Особо следует подчеркнуть, что карта Дженкинсона сказала и на англо-сефевидских взаимоотношениях, хотя представленная на карте информация о Сефевидской империи и не отличалась обширностью и носила энциклопедический характер. Дженкинсон расширил политическую географию для английской элиты. Его карта оказала влияние на формирование географического, религиозного, геополитического, культурного, социального восприятия английской элитой неизведанного ею на тот момент Востока, мусульманского мира, в частности Сефевидской империи. Карта располагает как географической, военно-исторической, экономической, этнографической, так и религиозной информацией о государстве Сефевидов. Большой интерес вызывает попытка Энтони передать информацию об особенностях шиитского направления, исповедуемого Сефевидами. Как отмечает Дж.Броттон, *«взгляд на мир создал мировую карту, но мировая карта в свою очередь определяет взгляд своей культуры на мир. Это исключительный акт симбиотической алхимии» (7, с. 20).* Более того, если раньше англичане получали ту или иную информацию о Сефевидской империи из источников, представленных третьими лицами, главным образом не англичан, то Энто-

ни Дженкинсон именно благодаря своей карте 1562 года вписал свое имя в историю как первый англичанин, не только попытавшийся передать английскому обществу информацию о Сефевидской империи, основываясь на увиденном и услышанном им самим, но и как первый англичанин, передавший ее путем визуализации – отображением на карте. Карта Дженкинсона, являясь первым визуальным знакомством христианской Англии с мусульманским Востоком, в частности с Сефевидской империей, стала на сегодняшний день первой английской картой, на которой была изображена Сефевидская империя. К тому же, как отмечает У.Оукешотт, *«карта Дженкинсона – первая карта, выполненная англичанином и изданная в Англии» (23, с. 704).*

Как подчеркивает И.А.Осипов, *«при своем создании карта объединила многих людей, поставивших перед собой и с успехом решивших интеллектуальную задачу по представлению далеким; малоизученных или абсолютно неизвестных территорий. Вот и сегодня чудесным образом обретенная карта дает возможность соединить результаты исследований нескольких поколений отечественных и зарубежных ученых и дать ответы, если не на все, то на очень многие вопросы» (24).*

Так, проведенное исследование показало, что карта представляет собою не только графическую, визуальную этногеографическую репрезентацию и символизацию тех или иных территорий, но также помогает воссоздать историческую реальность, что в свою очередь делает ее ценным источником для изучения той или иной проблемы истории. Как отмечает Дж.Броттон, *«мы, конечно же, смотрим на карты визуально, но мы также можем читать их как серии различных историй» (7, с. 20).* Исходя из этого, карта Дженкинсона была нами впервые введена в научный оборот в качестве ценного источника по истории Сефевидской империи.

Список литературы

1. Ağalarlı, M. XV-XVI əsrlərdə Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində. Tarix üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiya. Bakı: AMEA A.A. Bakıxanov adına Tarix İnstitutu, 2013.
2. Ağayev, R.Ə. Azərbaycan və Mərkəzi Asiya dövlətlərinin qarşılıqlı münasibətləri (XV – XVI əsrlər). Bakı: “Kür” nəşriyyatı, 2004.
3. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод: Ю.В. Готье. Ленинград: Печатный двор, 1937.
4. Barber, P. Mapmaking in England, ca. 1470-1650 / The History of Cartography, vol. III, part 2. Ed. by David Woodward. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2007, pp. 1589-1669.
5. Baron, S.H. William Borough and the Jenkinson map of Russia, 1562 // Cartographica, №26(2), 1989, pp. 72-85.
6. Baron, S.H. The Lost Jenkinson Map of Russia (1562) Recovered, Redated and Retitled // Terrae Incognitae, №25(1), 1993, pp. 53-65.
7. Brotton, J. A history of the world in 12 maps. New York: Viking Penguin, 2013.
8. Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. Vol. I. Ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coote. London: Printed for the Hakluyt Society, 1886.
9. Эфендиев, О. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку: ЭЛМ, 1981.
10. Ferzelibeyli, Ş.F. Azərbaycan və Osmanlı İmparatorluğu (XV – XVI yüzillər). İstanbul: TEAS Press, 2017.
11. Hakluyt, R. The Principal Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation, made by Sea or ouer Land to the most remote and farthest distant Quarters of the earth at any time within the Compasse of these 1500 yeers: Devuided into three several parts, according to the positions of the Regions whereunto they were directed. London: Imprinted by George Bishop and Ralph Newberie, Deputies to Christopher Barker, Printer to the Queenes most excellent Majestie, 1589.
12. Houston, Ch. ‘Thou glorious kingdome, thou chiefe of Empires’: Persia in early seventeenth-century travel literature // Studies in travel writing, №13(2), 2009, pp. 141-152.
13. İsgəndər bəy Münşi Türkman. Dünyanı bəzəyən Abbasın tarixi (Tarixə-ələmarayə-Abbasi). I cild. Çevirən: Ş.Fərzəliyev. Bakı: Şərq-Qərb Nəşriyyat evi, 2010.
14. Кафар-заде, Л.Р. Миссия Энтони Дженкинсона в Сефевидское государство: почему из «скромного начала» не возникли «великие последствия»? // КЛИО, №08(188), 2022, сс. 32-43.
15. Кафар-заде, Л.Р. Письма королевы Елизаветы I Тюдор в истории англо-сефевидских дипломатических отношений // Современная научная мысль, №4, 2022, сс. 212-224.
16. Keuning, Joh. Jenkinson's Map of Russia // Imago Mundi, Vol. 13, 1956, pp. 172-175
17. Кордт, В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1899.
18. Matar, N. The Renaissance England and the Turban / Images of Other: Europe and the Muslim World before 1700. Ed. by D. Blanks. Cairo: The American University in Cairo Press, 1996, pp. 39-55.
19. Mayers, K. The First English Explorer: The life of Anthony Jenkinson (1529-1611) and his adventures on route to the Orient. Croydon: Troubador Publishing Ltd, 2016.
20. Meshkat, K. The journey of Master Anthony Jenkinson to Persia (1562). A Thesis Presented to The Department of Literature, Area Studies and European Languages The University of Oslo in Partial Fulfilment of the Requirements for The Cand. Philo. Degree. Oslo: The University of Oslo, 2005.
21. Michele Membre. Mission to the Lord Sophy of Persia (1539-1542). Translated by A.H.Morton. London: School of Oriental and African Studies, 1993.
22. Nəcəfli, T.H. Azərbaycan Səfəvi imperiyasının Türkünstan xanlıqları ilə siyasi əlaqələri. Bakı: “İdeal-Print” MMC, 2021.

23. Oakeshott, W. A Tudor Explorer and His Map of Russia // Times Literary Supplement, June 22, 1984, pp. 703-704.
24. Осипов, И.А. Антоний Дженкинсон и карта России 1562 г. / URL: <https://www.kolamap.ru/library/txts/osipov.html>
25. Parks, G.B. Richard Hakluyt and the English Voyages. New York: American Geographical Society, 1928.
26. Пилипчук, Я.В. Узбекско-кызылбашские войны XVI-XVIII вв. / Prof. Dr. Talat Tekin Hatıra Kitabı. Cilt 2. İstanbul: Çantay, 2017, pp. 819-865.
27. Quliyev, Ə.S. XVI əsrin ortalarında Azərbaycanı Səfəvilər dövlətinin ictimai-siyasi vəziyyəti (Mikel Membrinin "Səyahətnamə"si əsasında). Bakı: "Şərq-Qərb" Nəşriyyat evi, 2011.
28. Рыбаков, Б.А. Русские карты Московии XV - начала XVI века. Москва: Наука, 1974.
29. Szykula, K. Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European Cartography // *Formatting Europe Mapping a Continent*. Brussels: Bibliothèque royale de Belgique, 2007, pp. 13-16.
30. Szykula, K. Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography // *Belgeo* [Online], №3-4, 2008, pp. 325-340. DOI: <https://doi.org/10.4000/belgeo.8827>
31. Szykula, K. The Jenkinson Map of Russia (1562). A Research Summary / *Polish Library Today. Foreign Collections in Polish Libraries*. V. 6. Ed. by J. Pasztaleniec-Jarzynska. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2005, pp. 57-69.
32. Szykula, K. Unexpected 16th Century Finding to Have Disappeared Just After Its Printing – Anthony Jenkinson's Map of Russia, 1562 / *Cartography - A Tool for Spatial Analysis*. Ed. by Carlos Bateira. London: IntechOpen, 2012, pp. 119-152.
33. Венецианцы во дворе Шаха Тахмасиба I (Микеле Мембре и Винченцо Алесандри) (Перевод: О.Эфендиев). Баку: Тахсил, 2005.

Xülasə

Lamiyə Qafar-zadə

Antoni Cenkinsonun orijinal xəritəsi Səfəvi imperiyası tarixinin qaynağı kimi

Məqalənin tədqiqat obyektini məşhur ingilis taciri, diplomatı və I Yelizaveta Tüdorun Səfəvilər dövlətindəki rəsmi səfiri Antoni Cenkinsonun müəllifi olduğu və 1562-ci ildə Londonda nəşr edilmiş "*Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*" xəritəsidir. Xəritənin orijinalının 1987-ci ildə tapılmasına və İngiltərə ilə Səfəvi İmperiyasının münasibətlərinə dair bir sıra əsərlər dərc olunmasına baxmayaraq, bu günə kimi Cenkinsonun xəritəsi istər Vətən, istərsə də Qərb tarixşünaslığında xüsusi tədqiqat obyektinə çevrilməmişdir və Səfəvi dövlətinin tarixinə və əsasən də İngilis-Səfəvi münasibətlərinə dair mənbə kimi araşdırılmamışdır. İlk dəfə olaraq Cenkinsonun xəritəsini Səfəvi İmperiyası ilə bağlı tarixi mənbə kimi araşdırmağa cəhd edilir. Cenkinsonun xəritəsi ona görə unikaldir ki, o, ingilis mənbələrində Səfəvi imperiyasının ən qədim və ilk vizual təsviri olmaqla yanaşı, həm də Avropa kartoqrafiyasının gələcək inkişafına təsir göstərmiş, 16-cı əsrin məşhur flamand kartoqrafı və coğrafiyaçısı Avraam Ortelius tərəfindən nəşr edilmiş dünyanın ilk müasir coğrafi atlası "*Theatrum Orbis Terrarum*"un tərkib hissəsinə çevrilmişdir (1570) və 1572-ci ildə məşhur dünya xəritəsini yenidən nəşr edərkən dövrünün ən məşhur və ən böyük, başqa bir Flaman kartoqrafı və coğrafiyaçısı Gerard Merkator tərəfindən istifadə edilmişdir. Xəritə Rusiya, İngiltərə, Azərbaycan, eləcə də Orta Asiya ölkələrinin kartoqrafiya tarixi üçün müstəsna dəyər və əhəmiyyət kəsb edir. Xəritənin tarixinə və müəllifliyinə xüsusi diqqət yetirilmişdir. Xəritənin cənub seqmentinin ətraflı təhlili göstərdi ki, bu xəritə Səfəvilər dövlətinin hərbi-tarixi, geosiyasi, coğrafi, toponi-

mik, dini, etnoqrafik və qismən iqtisadi tarixinə, eləcə də İngilis-Səfəvi münasibətlərinə dair qiymətli mənbə rolunu oynaya bilər.

Açar sözlər: *Cenkinsonun xəritəsi, 1562-ci il, Səfəvi imperiyası, İngilis-Səfəvi əlaqələri, Antoni Cenkinson, kartoqrafiya.*

Summary

Lamiya Gafar-zada

Anthony Jenkinson's original map as a source on the history of the Safavid Empire

This article examines the map published in London in 1562 and called “*Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae descriptio*” published in London in 1562 the author of which was a famous trader, diplomat and Queen Elizabeth I Tudor's official ambassador to the Safavid Empire Anthony Jenkinson. Although the original version of the map was found in 1987 and since that time a number of works concerning Anglo-Safavid relations was published, so far this map hasn't been the object of special study as the source of the Safavid Empire and particularly Anglo-Safavid relations in both domestic and western historiography. An attempt is being taken for the first time to study Jenkinson's map as an historical source on the Safavid Empire. Jenkinson's map is unique in that it's not only the most ancient and first visual representation of the Safavid Empire in English sources, but also influenced the further development of the European cartography and became an integral part of the first modern geographical atlas in the world “*Theatrum Orbis Terrarum*” (1570) and Gerardus Mercator's world map (1572). The map is of exceptional value and importance for the history of cartography of Russia, Azerbaijan, England and the countries of Central Asia. Special attention was paid to the map's issues of dating and authorship. Detailed analysis of the map's southern segment revealed that this map may serve as the valuable source of military and historical, geopolitical, geographical, toponymical, religious, ethnographical and partly economical history of the Safavid Empire, as well as Anglo-Safavid relations.

Keywords: *Jenkinson's map, 1562, the Safavid Empire, Anglo-Safavid relations, Anthony Jenkinson, cartography*